

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ ПИСЕМ АКОПА АКОПЯНА

В 1908—1914 гг. Акоп Акопян вел оживленную переписку с находившимся в эмиграции старейшим большевиком Миха Цхакая. В своих письмах Ак. Акопян затрагивал разные вопросы, связанные с деятельностью большевистских организаций Закавказья, рассказывал о своих творческих планах, о поездке за границу и о других вопросах. Однако эти письма, которые хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), до сих пор не опубликованы.

Письма Ак. Акопяна к М. Цхакая, относящиеся к указанному периоду, проливают свет на деятельность большевистских организаций и их отдельных руководящих деятелей. Ряд писем (док. № 5—10 и т. д.) показывает плодотворную работу большевиков Кавказа, которую они развернули в тяжелых условиях подполья, с безграничной верой в будущее.

Публикуемые письма Ак. Акопяна содержат богатый материал о деятельности автора в годы столыпинской реакции и одновременно являются ценным материалом для летописи жизни пролетарского поэта. В них содержатся глубокие и интересные мысли по ряду важных вопросов литературы, искусства, морали, нравственности и партийной жизни. В письмах Ак. Акопян с глубоким уважением говорит о М. Горьком и его таланте. «По получении настоящего письма,— писал Акоп Акопян,— прошу тебя написать письмо М. Горькому, чтобы он принял меня. Хочу во что бы то ни стало увидеть его. Пиши ему обо мне, что хочешь и что можешь».

В письме от 1—2 февраля 1911 г., адресованном М. Цхакая (док. № 7), Ак. Акопян говорит о своих горячих чувствах к адресату, а также о литературных вопросах и, в частности, о поэме «Новое утро», просит Цхакая ознакомиться с содержанием поэмы и сказать свое слово о ней. Следует отметить, что Ак. Акопян послал М. Цхакая пять экземпляров этой поэмы для передачи местной партийной библиотеке, М. Горькому и другим товарищам. В письме Ак. Акопян подробно излагает содержание поэмы и вскрывает ее основной смысл.

В письмах 1911 г. (док. №№ 7—14) Ак. Акопян рассказывает о своих заграничных поездках, полученных впечатлениях, о встречах с находившимися в эмиграции революционными деятелями.

В годы столыпинской реакции Ак. Акопян некоторое время примыкал к впередовцам, через М. Цхакая имел связь с Богдановым, Луначарским. Однако известно, что под влиянием видных деятелей большевистских организаций Закавказья, в частности Ст. Шаумяна, Ак. Акопян становится на правильный путь. Это нашло отражение и в данной переписке.

Настоящие письма, подлинники которых хранятся в ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС (фонд 157, оп. 2, д. 57), публикуются с сокращениями мест личного характера.

Х. А. БАРСЕГЯН

ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМА К М. ЦХАКАЯ

№ 1

Джалалоглы 12/VIII 1908 г

Вам, дорогой товарищ, должно быть неизвестно о провале, случившемся со мною, вследствие чего я был принужден на время оставить Тифлис и переехать в деревню — Джалалоглы, откуда и пишу Вам это письмо.

Да, со мною случилось то, чего давно ожидал, но благодаря моей осторожности и на этот раз спасся от палачей. Произвели обыск и на квартире и в банке, но тщетно! Абсолютно ничего не могли найти* и через несколько дней выпустили, на этот раз с угрозой: «Если только попадусь еще раз»... и тщательной снимкой моей фотографии как анфас, так и в профиль и стоя, а также тщательным описанием моих примет.

Ну их к черту! Поговорим о другом.

Товарищ дорогой, Вы не сердитесь, что до сих пор не мог ответить на Ваше письмо. Поверьте, со дня, когда я приехал (с семейством) в деревню, все болею и болею. Проклятая малярия выжала из меня все соки. Приехал сюда для отдыха и нажил себе вот какую болезнь. Вы не поверите, если я скажу: за 20 дней моего пребывания здесь почти 15 дней я лежал как серьезный больной. Видел я здесь Степана¹, Дануша², Тимофея³, представителя Борчалю⁴ и некоторых других товарищей, которые все Вас приветствуют.

Товарищ дорогой, в бытность мою в Тифлисе я послал Вам 17 руб., из коих 2 руб. просил передать редакции для выписки «Пролетария» 7—50, Вам и 7—50 Кородяну. Надеюсь исполнили мою просьбу. «Пролетарий» высылайте по следующему адресу: Тифлис, Азовско-Донской коммерческий банк, Аркадию Степановичу Степанову (для Седрака). Этот адрес будет и для писем.

По поводу мандата⁵ в б. ц. Степан говорит: мандат передан Ленину. Относительно Ростома⁶ не могу ничего сообщить, ибо он до ареста моего выехал в свою деревню, обещал писать и ни вести о себе.

О Кузьме и М. П-не скажу немного: в последние дни они часто бывали у меня, вместе читали Ваше письмо, передал я ему Ваш адрес и обещал писать Вам; о себе же говорил, что в сентябре намерен оставить Тифлис и поехать в Россию и очень жалел, что Вас нет в Тифлисе, чтобы заменить его.

* Письмо Ваше успел спрятать.

О работе нашей, чтобы писать Вам, должно быть Кузьма написал Вам. Очень жалею, что поспешно выехал из Тифлиса и не мог прислать Вам для редакции готовую вещь: письмо из Метехи, где описываю невыносимый режим этой гробницы. Завтра я выезжаю обратно и постараюсь первой же почтой выслать Вам, каковое надеюсь будет помещено в одном из ближайших номеров.

Я не знаю, товарищ, выслан ли мне № 33 «Пролетария». Во всяком случае прошу прислать мне еще 1 №, ибо полагаю, что за моим отсутствием этот № или уже потерян, или взят для чтения другим.

Я же со своей стороны обещаюсь регулярно отправлять Вам нашу «Борьбу»⁷, каковая выйдет 2-м №-м только в начале октября, ибо сейчас ставится новая собств. бек-ская техника. Простите, дорогой товарищ, что плохо пишу, рука от истощения дрожит. Примите мой привет, а также передайте всем товарищам.

Жму Вашу руку

Ваш Пролетар⁸.

P. S. Предлагаемое письмишко доставьте Кордичу, просит Вас

Ваш Пролетар.

№ 2

18/IX 1908 г.

Дорогой товарищ!

Получил я Ваше письмо и очень Вам благодарен, что этим письмом поспешили успокоить меня: только в этом письме не было сообщено о получении от меня моего письма из деревни... Приехать Вам сюда, дорогой товарищ, я совсем не советую пока, хотя и Кузьме улыбается это. Надеюсь, что делается у нас здесь, чтобы понять, что да, невыносимо жить здесь конспиративно. Повсюду кишат шпики, и так нахально, как никогда, — прямо целыми стаями.

...У нас в субботу, 13 сентября в 6 ч. вечера произошел крупнейший провал склада бомб, орудий, шрифта и других: бомб взяли до 200, масса ружей, печать рабоч. союза РСДРП и печать Контроля кассы СДРП. Склад был помещен около Надировских земель и по своей форме и по устройству был точно также оборудован, как и подземная авлабарская провалившаяся типография.

Обо всем этом подробно можете узнать из газет, вышедших во вторник 16 сентября с/ст. Сообщу еще о том, как убили главаря шантажистов Ефрема: одни говорят на личной почве от своих же товарищей он погиб, другие, что терроризовали м-ки. ...Ну конечно, все это предположение, но еще не установлено. Ожидаются осложнения. Товарищ, не знаю получаете ли Вы там «Бакинский рабочий», который выходит легально в Баку и очень содержателен. Невольно, читая этот орган (хотя и профессионалов), вспоминаешь дни свободы, от журнала веет свежестью, бодростью и сме-

лостью, всё трактует о сознательной борьбе, о классовой сознательности и классовой организации; если там у Вас не получаете, то напишите, вышлю.

А я так-таки не получаю ни 33 ни 34 № «Пролетария»; уж не говоря о том, что я уже потерял надежду, что редакция когда-нибудь известит о получении моих стихотворений, хотя бы выслали нам №№ «Пролетария». А может еще нужно доплатить, то пожалуйста, только сообщите.

Уделите, пожалуйста, нам тоже из женевских новостей; что поделяются товарищи. В скором времени вышлю Вам один экземпляр моего перевода «Как крестьянам добиться земли». Маслова прошу этот экземпляр передать редакции «Пролетария» для библиотеки б-ков, если только существует, если же нет — то для архива «Пролетария» или куда найдете удобным. Затем вышлю еще кое-что; впрочем об этом после. Пишите мне по тому же адресу, как свой имеется у Вас.

Из Баку должно быть имеете известия: там дразги, дело превратили в мелочную торговлю. Я писал «черному Мавру»⁹, чтобы он выслал нам «Радугу», изд. у Вас, он оставил мою просьбу без последствий; пожалуйста, можете ли по известному Вам адресу прислать; если да, то сколько нужно денег на это прислать, сообщите. Ну, дорогой товарищ, будьте здоровы, кланяйтесь товарищу Нушик¹⁰, если она там и всем нашим т-м от нас всех — б-ков.

Жму Вашу руку

Пролетар.

№ 3

2/XII 1908 г.

Дорогие товарищи

Миха и Федор!

Если я Вам, тем более дорогому Миха, не писал, то причиною тому была потеря адреса. Хотел я писать о том, что газета здесь получается регулярно, но, к сожалению, всегда почти в открытом виде; я не знаю, на дороге ли рвутся края конверта или на почте раскрывают чиновники от «любопытства». Факт то, что тот, кто получает, жалуется, что таким образом его ставят в неприятное положение. Прилагая при сем как образец конверт, в котором посылается газета, прошу сообщить об этом кому следует, чтобы № 40 вложили в более прочный конверт (в конверт-квадрат, как это практиковали раньше). Затем на этом конверте я посылаю адрес и для писем, и прошу этим адресом пользоваться *только на французском языке*: не надо писать по-русски; получатель сам швейцарец и он всегда от родственников получает письма, адресованные на французском языке: таково желание получателя и надеюсь в будущем и экспедиция будет руководствоваться этой просьбой для газет.

Найдете в этом письме прокламацию, которая будет возмущать Вас, конечно, как этим возмущаются здесь даже сами м-ки. Пусть тамошние м-ки наслаждаются, увидя чем занят здесь О. К. Я посылаю Вам ее для

того, чтобы Вы со своей стороны высказались. Здешние б-ки думают игнорировать или требовать, чтобы отказались от такой подлой резолюции: пахнет чем-то плохим... Затем я и несколько сочувствующих предполагаем дать любительское представление в пользу эмигрантов; надеюсь, удастся нам хотя бы собрать руб. 100 (за вычетом расходов конечно).

Пожалуйста, дорогой Миха, дайте мне адрес Ваш; прежний адрес мною утерян. Я получил письмо Федора, открытку и очень жалею, что вина послал только бутылку; признаться, я не надеялся, что дойдет бутылка. Недели две тому назад за неимением Вашего адреса я послал корреспонденцию через Кор.¹¹ и просил передать Вам для редакции. Теперь он пишет, что письмо лично передал; могу ли надеяться, что оно будет напечатано. Об этом не скупитесь написать пару слов.

Я обещал выслать Вам несколько книг для местной библиотеки. Обещание мое не забываю, только жду удобного времени. Пишите, какие Вам еще нужны книги для библиотеки. Здесь вышли № 3—4 «Борьбы», орган беков на 2 языках. № жидкий; в русском №-ре помещена статья Федора о съезде. На грузинском она вышла в № 1.

Масса новостей из Баку, но я отлагаю за неимением места. Всех нас волнует теперь поступок м-ков; провокация чистой пробы! Кланяются Алеша¹², пожалуй и Миха второй¹³ — он здесь. Ростом шлет горячий привет; он, как и некоторые другие, бросил бюро, бедный голодает и все время не удается подыскать место. Саттархоновцы здесь — предлагают ему поехать для корреспонденции в Дмульеры за известное ежемесячное вознаграждение, пока не решается.

На днях чуть ли не провалились...

Так пожалуйста, дорогие товарищи, постарайтесь, чтобы газету и письма высылались в прочных конвертах, а то придется страдать нехстати. Здесь идут повальные обыски ввиду того, что к январю предполагается снять военное положение. Жму Ваши руки, дорогие товарищи, Миха и Федор, и жду ответа. С тов. приветом Ваш

Пролетар.

№ 4

31/XII 1908 г.

Гор. Тифлис № 1

Дорогой товарищ!

На днях только, и то случайно, на улице вручили мне последние два письма, а месяц тому назад я получил Ваше письмо, адресованное Бежанову. О получении этого письма я своевременно писал Вам (Федору по адресу М-ры) и удивляюсь, неужели не передали Вам мое ответное письмо. Это не менее важно знать. Теперь я буду нумеровать мои письма и с этого и начну № 1; прошу то же самое делать и Вам. На днях Кузьма и В. П-на пригласили меня на елку, за неимением времени не мог, конечно, веселиться в их обществе и на днях зашел я к нему по делу и прочел ему

Ваши письма. По поводу распространения сплетен он просил писать Вам следующее: «Взамен того, чтобы М-ре приехать в Тифлис и собирать сплетни для распространения в Женеве, было бы лучше, если бы она поближе ознакомилась с делом партии. Я во всяком случае, продолжает он, не позволил бы сплетничать о старом близком товарище, которого хорошо знаю, но что его просьбу (т. е. просьбу о деньгах) я поставил в заседании бюро — это верно...». Вот точь-в-точь его слова, которые передаю Вам дословно. Со своей стороны я скажу, что, если только была допущена сплетня со стороны того или другой, то это я могу только назвать [это] мешанской тупостью и недостойным поступком по отношению к товарищу. Значение «товарищ» свято чтимо, и жалок тот, кто доходит до уровня сплетен.

Дорогой товарищ, относительно Вашего приезда я поговорил с Элианвой¹⁴. Представьте себе, он тоже оптимистически относится к приезду; он находит, что Вас уже забыла здесь полиция и что Вы свободно можете здесь жить. Я все же воздерживаюсь советовать Вам приехать, хотя и найду возможность выслать Вам дорожные. Пока занят собиранием денег, чтобы издавать орган на армянском языке, каковой отсутствует более года. Степан¹⁵ заботится тоже, чтобы осуществить эту мысль. На днях получил от него письмо¹⁶, где сообщает, между прочим, о том, что взамен «Бакинского рабочего» у них скоро выйдет «Волна»¹⁷. На днях вышлю Вам посылкой все, что будет возможным, между прочим и «Борьбу» № 2. Прошу выслать № 35 «Пролетария». Это важно для №-ра 3-го; что же касается № 33, 34 и 40-го, то я их еще не получил. Прошу эти №№, как и последующие, выслать на имя Шпильмана (как и высылается), только адресовать не на русском, а *на французском языке*, как я Вас просил неоднократно; еще просьба высылать в хороших конвертах; всегда получается в рваных конвертах, а это очень неудобно! Письма же можно адресовать на имя Бежанова. Он освободился, был задержан по недоразумению (как выразились).

Итак, читальня Ваша в скором времени получит то, что окажется здесь. «Радугу» получать хочется, но трудно; придумайте Вы какой-либо способ, ухитритесь уж, тогда дам адрес. Ознакомьте меня о способе высылки. Конечно, удобнее будет высылать по одной, но так, чтобы цензура не конфисковала бы! Передайте теплый привет гг. Федору, Нушик и Богданову, с которым хотя лично не знаком, но сочувствую ему, как автору «Красной звезды». В свое время я агитировал, распространял эту книгу и до сих пор у нас идет горячий спор об этой книге. О моногамии и полигамии — с Т-ной¹⁸, Алешей¹⁹ и другими. Как смотрит, интересно знать, сам Богданов на эти вопросы. Сторонник ли моногамии или наоборот? Какова его обосновка? Очень бы обрадовали меня, если бы на мои вопросы ответили в последующем Вашем письме. С.-Д. признают ли и должны признать *мораль*, как она есть, или при современном буржуазном строе мы должны выделяться другой моралью. Эти вопросы иные освещают иначе, и я бы хотел послушать мнение самого Богданова. Еще Вы меня обяжете, если напишите кое-что об эмпириомонизме Богданова. Читаешь и трудно.

поддается мышлению и пониманию. Научная вещь, нет слов, но нельзя ли было изложить вкратце вроде брошюры не на академическом, а популярном языке. Во всяком случае не забудьте писать мне и о новостях женевских кружков. Здесь всякая новость из женевской хроники поглощается быстро — конечно, не из обывательской жизни, а партийной и фракционной. Недавно получил письмо от Мавра и о ужас! он так отзывается о б-ках, что просто приходится опускать руки! и революционный синдикализм, анархизм и ревизионизм — все приписывает бекам. Плеханов должно быть порядком овладел им. Жаль!..

...Я прислал Вам одну прокламацию через Федора о событиях Эриванской площади; получили ли Вы или нет, об этом не забудьте тоже сообщить.

Дорогой друг и товарищ, сэкономил я для Вас десять рублей и посылаю Вам на праздники. Примите пожалуйста, «чем богат, тем и рад». Прислал бы еще больше, если бы не беспокоило меня положение черного Мавра, а вед он мне старый друг и товарищ. Высылаю ему тоже от меня десять рублей. Как передают, он буквально голодает и решил по окончании своего труда (капитального) «Об истории рабочего движения и революции на Кавказе» (состоящего из 2 томов) весной приехать сюда. Теперь о Ростоме. Бедный Ростом, он влюбился в одну 20-летнюю грузинку и занят мыслью о женитьбе. Советует тебе тоже на старости лет жениться. Был он сегодня у меня, без гроша сидит, не работает и мечтает о женитьбе. Бешено и сумасшедше влюблен, как сам говорит. Итак, будьте здоровы. Жму крепко Вашу руку. Привет товарищам.

от Вашего *Пролетера*.

P. S. Да, еще забыл передать Вам привет от матери Серго²⁰.

Пролетар.

Приписка на полях. Прошу сообщить: к кому нужно обращаться, чтобы получать «Голос С.-Д.». Это важно для дискуссий.

№ 5

22/1 1909 г.

Дорогой товарищ!

Не дожидаясь твоего письма, пишу еще раз и прошу ответить мне на следующие вопросы:

1) Получены ли Вами 10 руб., которые я выслал Вам по почте *poste restante* (по последнему адресу).

2) Получен ли Вами (отправленный мною через Федора по адресу Мин. Доры) листок о событиях Эриванской площади.

3) Получено ли Вами наконец письмо мое последнее, в котором я задаю Вам некоторые вопросы. Я жду ответа.

Сегодня мною получено извещение об издании органа ЦК «Социал-демократ». Просят содействовать органу. Пользуясь случаем, посылаю я тебе отчет бюро тифлиских беков и прошу распорядиться самому дать печатать или в «Пролетарии» или «Социал-демократе». Товарищ дорогой, я не забыл обещанное: высылку литературы; это я думаю сделать на днях посылкой. Тут будут и брошюры, и издание № 2 «Борьба», и кое-что еще... Таким образом, высылая я Вам отчет бюро тифлиских большевиков, оставляю на Ваше усмотрение, где Вам заблагорассудится дать печатать, — в «Пролетарии» или «Социал-демократе». Пишу я второпях и жду ответа на мое первое письмо. На днях была конференция беков. Собрались 10 делегатов. Из отчета, при сем прилагаемого, можно усмотреть о 8-месячной деятельности бюро. Тут, как видите, за короткое время сделали все, что возможно было. Привет товарищам. Когда напишете Федору, передайте привет и спросите, отчего он не отвечает на мое письмо, вель он такой аккуратный. Будь здоров, дорогой товарищ. Жму руку.

твой Пролетар.

Р. С. Аккуратно получаютя №№ «Пролетария».

№ 6

Дорогой товарищ!

Страшно досадую, что ты не получил письмо мое, отправленное тебе месяц тому назад, содержание которого удовлетворило бы тебя и ответило бы на все твои вопросы, заданные последним письмом. Еще досаднее, и я с досады с ума схожу, что потерялась посылка, адресованная на имя Грузинской библиотеки Сагс vogt № 77 (кажется) для передачи Rikkanen²². В посылке было все то, что просил раньше: и №№ «Борьбы», и брошюры, и, наконец, Маслова и листки, а письмо, каковое было отправлено после посылки, — столь содержательное, — вместило в себе много интересного. Там сообщил я о получении твоего длинного письма философско-морального характера и содержания, которое было прочитано в среде твоей Татьяны, Миха, Алеши, Нушик, Евы и др. Признаться, ответы на мои вопросы были изложены тобою слишком «крепким» слогом, и мы желали бы каждую мысль, каждое предложение понять так, как хотелось; к сожалению, мы все были лишены этой возможности, ибо академически-научный слог не дал нам понять так, как если бы эти мысли и объяснения были бы изложены на популярном языке. Но основная мысль, ее логический вывод были изложены правильно и убедительно. Это мораль. Это есть «право», сложившееся или установившееся на насилиях буржуазии — это мне понятно; но что мораль — это есть общественная гигиена, это вряд ли верно; что то, что хорошо, нормально, не вредит обществу. Это нравственно и наоборот. Что мы должны создать себе совершенно новую мораль — пролетарскую, это понятно... Что такое «мораль, нравственность, свободная любовь», на эти вопросы я получил:

ответы, но как они должны быть с пролетарской точки зрения, на это я удовлетворительного ответа не получил или было изложено не так ясно, чтобы понять. Во всяком случае было бы не лишнее, если бы еще раз вкратце объяснить: что морально, нравственно, что нет? и к этому выводу прийти не с буржуазной точки зрения, а чисто экономически-материалистической — если это вместимо, если это возможно, если это не противоречит духу самого понимания исторического материализма...

В письме писал я и о том, что много старались я и жена Федора устроить спектакль или лекцию, но наши попытки венчались неудачей. Спектакль обещал нам дать дефицит, Яворская отказалась играть в пользу эмигрантов и требовала за спектакль 300 руб. Лектор Грузенберг обещал читать, но предложил читать от имени какого-нибудь учреждения. Фирму нам никто не хотел уступать, наступили жаркие дни, и все пропало. Пушик же зашла ко мне, взяла несколько адресов моих знакомых, которых я использовал когда-то достаточно, и предпринимала сбор. Но тут приехал ее «благословенный», и, кажется, минутное, моментами всныхнувшее воодушевление ее улетучилось. Благодаря этому «благословенному», нашедшему у меня ночлег 3 ночи, потерялись и твое длинное письмо и 3 №№ «Социал-демократа». Дело в том, что эти номера и письмо твое вдруг очутились в водосточной трубе и их снесло ночным ливнем... так что убедительно прошу тебя, если найдешь время, изложи еще раз твои мысли по заданным мною вопросам, только, пожалуйста, популярнее, термины пусть остаются научными, но изложение, распространение мыслей пусть будут изложены попроще, и за это я буду очень счастлив, и за это я это письмо буду сохранять свято...

Что это газет не получаем более? Ради бога, напиши, пусть не лишают нас... и без того претендуют, что не всем достается читать, а тут и №№ не получаются. «Пролетарий» больше 44 не получено. «Социал-демократ» — получены №№ 2, 3, 6, а №№ 1, 4, 5 вовсе не получены. № 6 провален: просил бы прислать еще раз. Приедет Богдатов и, конечно, будет жаловаться, что №№ неаккуратно даются вам. Это будет «злая клевета». Мои №№ пользуется «Чангур» — Кузьма; пользовались Алеша, Миха, Татьяна (кстати, их теперь здесь нет, Миха в Баку, Алеша в деревне, Татьяна на родине). Затем много таких, бессовестность которых дошла до того, что берут, читают, не возвращают. Собираем №№ для комплектования, говорят они беспардонно и, таким образом, лишают других, а кто выходит виноватым? тот, конечно, на чье имя получают. Нужны не 1, не 2, а 20 №№, чтобы удовлетворить и без того измельчавшихся людьми наших. Ты хотел иметь Степана адрес — изволь: Нефтепров. Шибаева Балаханы (Баку) Бакинской губернии. Он, как я уже сообщил, был задержан вместе с Тимофеем в 1-майские дни; Степана выпустили через 2 недели, а Тимофея через месяц; надежда в скором времени видеть его у себя. Деньги отправлены.

Из всего этого, дорогой товарищ, можешь заключить то, что я не только [не] сердит на тебя, но даже приложил все старания исполнить требования твои, т. е. отправка посылки, письмо ответное и вдобавок удив-

ление мое, что я до сих пор не получаю ответа. Что я мог видеть от тебя, чтобы сближаться! Кроме задушевного, чистосердечного и искреннего, я ничего другого не видел, и больно, что я не могу почаще помогать тебе. Твои письма всегда радуют меня, и сейчас же беру перо отвечать, но думаю: на такие письма нужно отвечать спокойно, трезво, мало значит чувством писать, а надо и обдуманно отвечать. Через сестру Евы на днях получишь деньги. Справься!

Говорю я тебе, товарищ дорогой, и ты должен поверить этому: я остаюсь... тем же, чем был; и индивидуально заплетенной реакции у меня нет; в общем, верно, реакция, да, но еще почва у меня под ногами, никто меня не может сбить с позиции, никогда. Пусть жертвенник разбит, огонь еще пылает. А что главное, я никогда не могу измениться — это равносильно моей смерти; я изменился — я умер — вот мой девиз...

...Степан тоже думает ехать в университет на юридический в сентябре. Ростом совсем пропал. Да, мы все, собственно говоря, ничего не делаем. Только Чанчур с грехом пополам! Кое-что делает... раскол у нас форменный среди меков и беков. Меки пригрозили бекам устроить obstruction, если не удастся, то совершить поход Чингиз-хана. Бродяга угрожает мекам уходом из партии, если она будет оставаться партией руководящей. Коллектив состоит из 5 беков и 4 меков, и все резолюции проходят бековские. Моя просьба: писать 1) получена ли посылка, 2) получено ли письмо, написанное 1 месяц тому назад, 3) скоро ли получу письмо Богданова, №№ «Пролетария» и «Социал-демократа». Скоро ли ответишь на вопросы?

С товарищеским приветом,
жму руку *Пролетар*

P. S. Что стало с денежным отчетом, который послан Вам для газеты.

Приписка на полях в начале письма. Что стало с отчетом бековской конференции и денежным отчетом б-ро, отчего не печатается нигде? Привет Федору, как его, здоровье?

№ 7

Тифлис 1/2 февраля 1911 г.

Дорогой мой Миха!

Сейчас* только получил твое дорогое письмо и, несмотря на то, что завален работой, все же бросаю ее и пишу тебе, так как иначе не могу. В этот лихорадочно-трепетный момент я чувствую потребность души поговорить с тобой, поделиться с тобой, мой *хороший* Миха!

* Это письмо приходилось писать в два дня в том учреждении, где я служу: то прерывают, то за наименьшим временем приходилось откладывать, то по болезни не в состоянии был докончить. Сейчас я не хуже тебя болею. 2/II. А. П.

Самое существенное, самое дорогое в твоём письме — это то, что ты пишешь: «Посмотрим, когда встретимся, каковы друзья будем, хотя мы с тобой, конечно, и раньше были хорошие друзья». Далее пишешь: Держись, брат А., тогда, я немного строг в дружбе, хотя не ревнив в Гюговском смысле слова и т. п. и т. д.

Говоря между строчек, прежде всего я должен обрадовать тебя тем, что решил не позже июня во что бы то ни стало перескочить Кавказские горы и перелететь (конечно, не на аэроплане) к тебе²³. Я чувствую неумолимую душевную потребность повидаться с друзьями, освежиться немного и, если можно так выразиться, обогатить мою поэтическую фантазию новыми впечатлениями и т. п.

Итак, ты «строг в смысле всегда ясности и честности отношений без задних мыслей, т. е. хочешь быть и чистым и логичным и то же самое требуешь от твоих друзей», между прочим, конечно, и от меня. Спасибо! И знаешь, что я тебе скажу, Миха дорогой; я неоднократно задавал себе вопросы: «может ли Миха быть мне вечным другом в связи с личной и общей жизнью»... и в этом моем возрасте, полном самосознания, пришел к тому заключению, что все элементы твоей души вполне сходятся и сливаются с моими. (Это подтверждают и Магакни²⁴ и другие). То, что иногда я слышу от друзей о тебе, о твоих порывах и светлых качествах души (да и в письмах ты таков), — это не то, что мне нравится, да буде мне прости-тельно сказать, — я восторженно восклицаю «да ведь этот Миха литое я! Я не буду распространяться и не стану винить себя самохвальством; скажу тебе только одно то, что я из таких типов, которые верят в людей, всегда ищут в них только хорошие стороны, не задумываясь о том, что ведь этот другой может иметь и много недостатков.

Об этом редко что думаю и хочу поделиться с ним всем тем хорошим, что имею сам. Впрочем это у меня выходит так увлекательно, что некогда бывает об этом и думать; только тогда счнусь, когда этот другой вижу кривит душой и, мало того, еще хочет использовать мое доверие, мою искренность, мою святую святых — честность. О, брат Миха, тогда берегись*, я беспощаден! Уж это хотя не по-большому, но маска должна быть сорвана, если даже он окажется моим долготетним другом и любимым человеком. И тогда, когда я вижу несправедливость, не могу, не могу не возмущаться справедливым гневом! Иные люди политиканствуют, молчат из-за каких-нибудь меркантильных расчетов и соображений, кривят душой, выбирают среднюю дорогу: «Цель оправдывает средства» или, наоборот, что мы, говорят они, руководимся этим в личной и общественной жизни и когда не могут резать *прямотою*, истинностью, по совести, то *пилят* чахлым разумом: «Поэт, — говорят, — утопизирует, между тем как жизнь и обстоятельства требуют быть и тем и другим». Всегда с чувством гадливости вспоминаю таких; и вот когда ты мне ставишь вопрос о том,

* Эта фраза конечно пусть не будет истолкована тобою так, что будто тебя касается, боже упаси меня! Это я обобщаю и касается моих «бывших друзей».

что ты «строг», я могу только восторженно вскрикнуть: «*Это спасает меня — я счастлив!*». Впрочем к чему расхваливать, ведь приеду, ведь увидимся же, я тебе тогда покажу, что значит политиканство и т. п.

...О, Миха, поверь, я очень рад, с одной стороны, что намекаешь на твою строгость, я никогда не боялся откровенной строгости; то же самое и я требовал от моих «друзей», но, к несчастью, большей частью наталкивался на разочарования. Вот я и спрашиваю тебя: почему ты напоминаешь мне о таких элементарных качествах души, мне, другу твоему, который, кажется, не дал повода к этому. Спрашиваю еще раз: может наклеветал мой женевский друг в настоящих кавычках? Правда ли? Если это так, то скажу я тебе словами Шиллера: «Со мною могут поступать люди низко, но унижить меня — *никогда!*». Это им не удастся!

Впрочем об этом после. Сейчас я думаю только об одном. Когда настанет тот час, чтоб при первой встрече обниматься с тобой, целовать тебя и, радостно крутясь в вихре объятий*, долго целовать тебя еще горячее и по-товарищески.

Пожалуй, я еще увижусь с другом в кавычках²⁵ и скажу ему в лицо прямо словами одного из героев на дне М. Горького — татарина: когда хочешь шутить или играть, то «нада играть *чесна*».

Я с ума схожу по честному товарищу; это у меня ярко выражено в поэме, сюжет которой вкратце передать тебе невозможно; чтобы изложить ее, нужно воодушевиться вторично — да и выйдет ли это? Ведь такие вещи пишут только раз. Взамен этого труда я сегодня выслал тебе 5 экземпляров поэмы, из коих одну книжку прошу передать местной библиотеке, одну послать Б-ву, третий экземпляр если можешь М. Горькому, остальные экземпляры распределить по личному соображению. Завтра или послезавтра через жену Малакия я вышлю тебе деньги столько, чтобы хватило и тебе, и на отсылку этих книжек. Вместе с ними я послал жене Малакия для передачи тебе несколько №№ русских газет, где напечатаны отзывы о моей поэме. Армянских газет, где много лестного об этой поэме, я не посылаю, а если понадобишься, то с радостью вышлю. Вот не знаю, кто сможет тебе дословно [передать] сюжет поэмы. Ты уж поини кого-нибудь и затем сообщи мне твое мнение: правильно ли изложил я там мои мысли, стремления, душу идеи. Основная идея ее такова: личность несчастна, когда несчастно общество; человек, или индивидуум счастлив в любви только тогда, когда эта любовь гармонизируется с духом, с идейными стремлениями обоих. Без идеи любовь — не любовь, а увлечение; любовь и идея должны идти рука об руку, затем личная любовь должна служить лестницей, пьедесталом для любви к обществу. «Нашего армянина»²⁶ послал по одной книжке (4 книжки) для библиотеки местной; можешь воспользоваться ими, если хочешь ознакомиться с моим пером. Не удивляйся, пожалуйста, что я так резко и грубо выражаюсь по ад-

* Так вы целовались с Богданом, когда первый раз я познакомился с тобой у Серго — и вы кажется оба давно не видались. Ах, как я завидовал вам, задушевному, счастливым друзьям!..

рессу нашего армянина — мавра черного; наши отношения обострились из-за одного конфликта, возникшего на личной почве конечно. Мы больше не переписываемся вот уже 6-й месяц. Об этом говорить с ним не стоит, и пусть это останется между нами, прошу тебя; а если захочешь знать причины, то могу в общих чертах сообщить тебе о происшедшем. Впрочем полагаю, что это не интересно даже, как для тебя, так и для меня. Рад только тому, что выяснилась для меня (хотя *очень* поздно) физиономия друга этого в кавычках.

Пиши мне всегда такие письма. Эти письма твои меня и радуют и воодушевляют; в них я вижу искреннюю, чистую задушевную нотку твоей души, перечитываю я их, и мне все кажется, что стоишь предо мною и говоришь свойственными тебе слогом и наречием. Только ты, пожалуйста, не спеши, когда пишешь, я отвык от твоего почерка, трудно разбираю, а каждое ведь твое слово для меня ценно. И карточку новогоднюю получил; многое говорит сердцу и уму она, да ты другой карточки и не мог послать, как не такую, старик или черный дух указывает на крест спасения своим спутникам...

Если Нина еще не выехала, сообщи мне открыткой, только сейчас же. Я хочу ей послать деньги, чтобы она купила мне материя для пиджачной пары*. Может, это она делать и сейчас, выбор оставляю на вкус вас обоих... Что-то она замолчала и больше не пишет, т. е. не отвечает на мое письмо. Если она почему-то обиделась, то следовало бы ей писать об этом. Ведь мало ли бывает недоразумений в жизни, нужно же дать знать и мне, чтобы я мог бы высказаться. Хотя я, право, и не знаю, дал ли я какой-нибудь повод к тому, чтобы она могла бы (уж не говорю) обижаться, а даже мало-мальски нахмурить брови.

Клянусь честью, Миха, в жизни кажется никому не дал *первым* сам повод, чтобы обиделись на меня. Ошибки, конечно, бывают, но чтобы сознательно кого-нибудь или злобно повредить — это не в моей натуре. Я лично органически не выношу людей, которые как змеи шипят сзади. Имею сказать что-нибудь, ударю прямо в лоб; а если он безнадежно неправимый, махну рукой; но чтобы мстить сзади, тайком, это не в моей натуре. Ведь бывают же люди кляузные, клеветники... я чихнуть не хотел на подобных недобросовестных людей!

Ну, насчет здешней суровой зимы когда-нибудь в другой раз, мой милый душой поэт Миха, а пока беру я тебя в свои объятия и целую, целую крепко, да так сильно, чтобы ты почувствовал пламенность души твоего АП.

Поэма трактует о коллективизме. В лице героини поэт находит родство чувств, души, борьбы. Это страдальческое лицо ее, эти глаза говорят что-то о прошлом; что она хотя когда-то пережила многое, но все же остался отпечаток прежних страданий, лишений, оорьбы, светлости, и вот возникает любовь. В период любви она что-то ищет, к чему то стремится,

* Это, быть может, и прозаично, но я хочу действовать «и честно и логично». Ни к селу, ни к городу сказано конечно. А ты не сердись моей шутке бессердечно!

колеблется и, видимо, происходит у нее внутренняя борьба, и вот поэт предлагает ей пойти на завод. Тут же описание завода, процесс труда, как закаляется рабочий в этом процессе труда, в своих стремлениях и порывах и т. д. и т. д.

Но героиня оказывается только способна платонически увлекаться всей этой перспективой; она неспособна бороться активно, она или утопистка или индивидуалистка, мешанка, которая только способна наслаждаться личным счастьем; и поэт говорит: она мне не товарищ и оставляет ее навсегда.

Все это, быть может, тебе покажется банальным, старой истиной, пожалуй и так, но тут дело в том: в какой форме, в каких выражениях и стиле передано все это. Могу смело сказать, что в этой поэме есть даже некоторые никем невоспетые мотивы.

Напримр: в III главе, 7-я строчка снизу, пишу: глаза твои похожи на чистый родник, покрытый листопадом, который, открыв себе путь, ласкает, течет, смотрит мне в лицо и говорит с моей душой. (Ах, как это в переводе выходит не гладко, грубо, быть может я и негодный переводчик).

Или вот то место, которое начинается так: идет на завод! описание на 4 страницах и в конце VIII главы говорится: «Увидишь там кирпичные стены мастерских, сырые и мокрые, как будто намоченные потом рабочего.

В IX главе (ошибочно вышло XI) уже идут они — эти гиганты, рабочие: тысяча — как одно целое, один — как тысячи рабочих, вслед за одной волной миллионы волн — Я сливается в могучем Мы и неподвижную жизнь превращают в бурю. (Да, да, плохой я переводчик, из рук вон!). В конце этой главы я говорю ей: подходи поближе к этим страдальцам, героям, и страдай, волнуйся теми же лишениями...

тот кто много страдает

лучше всех жизнь понимает...

В X главе многоточие. Мешанка предпочла... Я здесь молчу.

В XI главе, очнувшись, поэт убеждается в том, что это была иллюзия, что она была и не была, близка и далека, она была непривычна к борьбе, ей нужно было мимолетное счастье, наши пути расходятся вразрез. Это было веяние моей души, мыслей, идеи, которое жило в стремлениях борца-поэта, поздно догадался, что я обжегся от своего внутреннего огня, который воспламеняется только раз и вновь тухнет, что она была лишь сосуд, из которого я только мог высасывать жизненный эликсир — нектар; она природой была, отчего только временно воспряла моя пламенная душа.

В XII главе мы расходимся, и один я иду по своей дороге: или быть господином, владельцем жизни, борясь с препятствиями жизни, или раз душа моя, привыкшая к буре, ей не товарищ. Этим заканчивается поэма.

И вот, по-моему, возможна гармония тела и души, любви и идеи только тогда, когда индивидуумы видят родство чувств, родство одинаковых стремлений и т. п.

Не знаю, мог ли я хотя бы одну сотую часть моей поэмы передать тебе; кажись, нет, и надеюсь это тебе сможет сделать хороший перевод-

чик, которого ты поищи непременно, а затем напиши мне о тех дефектах, каковые найдешь сам. Заранее предупреждаю, что я не имею претензий к дефектам, хотя и многие из друзей чуть ли меня не сравнили с Верхарном. Всякий твой совет принесет мне громадную пользу, всякое указание использую с радостью; от этого нисколько не обидится мое поэтическое самолюбие. Степан и другие в восторге от этой поэмы, и досадно, что ты лишен возможности созерцать некоторые места поэмы так, как я,— за незнанием армянского языка. Ну довольно, сколько я восхвалил себя. Знаешь, я влюблен в мою поэму, скажу без искусственной скромности.

Ба, уже 2 часа дня, а я еще не ответил на твои вопросы. Закончу письмо краткими сведениями: передал Магакию все то, что поручил ты, он читал твое письмо и во время обеда с детьми моими пили красное, только не кинианевское, а арутюновское, за твое здоровье, мой дорогой и мудрый Эзоп.

Вот тебе и рифмач! Ах как это неприлично! скажешь ты. Я называю тебя Эзопом за то, что ты так умело передаешь о разрушениях зимы...²⁷. Пола, которая выпила вместе с нами, это Бакинская, которая приехала со Степаном на праздники. Последний хотел найти себе стипендию, чтобы поехать на юридический. Передай мой сердечный привет, если бы он писал бы мне хоть о том: «нужна ли совесть нашему брату или нет», я очень был бы признателен ему. Надеюсь, увидаюсь и с ним, когда приеду. О совести я с Магакием спорил много, как о личной, так и общественной жизни, нужно ли руководствоваться совестью или нет. Я — за, он — против. Поклон его супруге; деньги, книжки и это письмо я посылаю по ее адресу для передачи тебе, так как Нина должна скоро оставить Женеву, а может быть она уже выехала. Дай мне твой прямой адрес. После этого хочу писать прямо по твоему адресу. Из моих стихотворений я раньше через...²⁸.

P. S. Извиняюсь за небрежное письмо. Ты уж не взыщи; если бы знал, при каких условиях я, как больной, писал все это, тогда не рассердишься.

А. П.

№ 8

18/III [1911 г.]

Дорогой Муха!

...Муха, пиши как думают заграничные газеты: будет ли война с Китаем или конфликт улажен надолго. Я-то не сторонник войны, но это нужно знать... Когда увидимся, чтобы поговорить по-настоящему — по-больши...», как ты говоришь. Ведь... чувствую, что сотую долю не сказал того, что можно и нужно сказать. А ты, пожалуйста, все же подумай, как бы договориться нам... Вот тебе адрес: В. Шпильману. Тифлис. Служит там, где служит твой друг «Пролет».

Если находишь нужным и современным, то пиши по данному адресу для передачи мне. Пришли по этому адресу издания ваши «Вперед» и т. п.

Пока до свидания, в июне увидимся. Дай собраться с чувством и темпом, а то больно переутомился. Как хороша борьба, когда преодолеваешь!

Так жду, жду письма, дорогой Миха, ты мне должен 2 письма. Пиши, пиши!..

Получил я письмо от Степана²⁹. У них скоро будет своя газета, разрешение взято давно, а № 1 выйдет на этой неделе. Получил ли ты новые №№ «Звезды» и «Св. мысли»? А книги, что я отослал через Михрана, тоже получены?

Пожалуйста, дай адрес, чтоб [не] беспокоить других. Может, и не желают, чтобы я писал по их адресу. Привет Михрану³⁰, Жоржу. Целую тебе крепко и крепко, сколько жару хватит от твоего А.

№ 9

20 апреля [1911 г.]

Дорогой Миха!

Твоим восторженным приветам и столь же задушевным поцелуям в 3 последних открытках — тысячу горячих и сильных поцелуев! Ну вот, наконец, я нашел тебя. Где ты, братец мой, что ж ты не даешь о себе знать, где «пропал»? В твоих открытках ни одного намека хотя бы о том, что высланные два раза по 20 фр. через Минадору и Михрана вручены тебе. Ведь я их перевел по почте 2 февраля и 8 марта и вот сейчас хочу выслать тебе 20 фр. за апрель, по тем же адресам, но не решаюсь...

Помимо этого, ты не сообщаешь в твоих открытках о тех книгах и газетах, которые и высылал тебе через Михрана. Ты должен был получить несколько экземпляров из моих новых и старых трудов (во 2-й раз) для распространения по местным библиотекам и по собственному усмотрению. №№ «Звезды», «Современной жизни», издающиеся в Баку «Св. мысли» я высылал тебе через Михрана же, о получении коих ты также умалчиваешь.

Во II открытке спрашивал ты о ребенке и о самой Нушик. Я, конечно, мог бы сейчас же ответить тебе, где она и что с ребенком, но опять не был уверен, что получишь мое письмо, и я молчал до сих пор, откладывал. Теперь я могу ответить на эти вопросы, хотя опять не уверен в том, получишь ли ты это письмо и ответишь длинным письмом или опять открыткой, которая меня не удовлетворяет. Так вот, знай, что Нушик живет в Баку у сестры, ребенок заболел в Питере, а теперь здоров. Все, что могу сказать о ней, и все, что я мог узнать здесь от ее сестры. Да, еще прибавлю то, что она там занимается уроками и живет ничего себе. Приедет летом и поедут или на дачу, или останется здесь у сестры. Я могу сообщить более подробные сведения о ней, если это необходимо...

Миха дорогой, на этот раз я уже уверен, что в подробном твоём письме поговоришь со мной пообстоятельнее обо всем том, о чем я говорил с тобой (а твое закрытое письмо так и не приходит и оно напоминает мне

шахский «гялди, гялди»!, т. е. персидский шах весь год оглашает, что собирается путешествовать по Европе и не двигается с места). (Шах гялди, гялди, значит шах «пришел, пришел»).

№ 10

Мая 5-го 1911 г.

Дорогой Миха!

Ну что же ты, дорогой Миха, болеешь все время. Надо тебе непременно обратиться к докторам. Хотя действительно шарлатаны эти доктора, но найдутся же среди них хоть один-два порядочных.

Опасная вещь эта неврология; когда-то болел и я этой болезнью, но летний отдых и питание помогли мне, и я уцелел. Вот и сейчас у меня нервы не в порядке: зимою болею, все время боли в пояснице, иногда целыми неделями лежал без движения и опять, значит, отдых, и я здоров; вообще не выношу зиму. Враг врагом! Я и решил, как бы там ни было, взять отпуск летом и приехать на лечение в Берлин. Говорят, там чудные доктора. Мне нужно укрепить мышцы и нервы. Вот ты посоветуй, где лучше лечиться, в Берлине, Вене, Женеве или Париже. Мой маршрут будет таков, а ты посоветуй мне лучше ли будет так: я хочу выехать через Волгу, тем более шурин мой инженер предлагает даровой билет; с Волги хочу поехать в Москву, Петербург, Берлин, Вена. Оттуда к Вам и далее Париж, Лион, а далее в Италию, Милан к Ада Негри³¹. Из Лиона в Милан хочу непременно с тобой. Я возьму тебя непременно попутешествовать вместе. Ведь мне приходится впервые не только на Западе и в России путешествовать. Из Милана заглянем к автору «Бывших людей»³², если только согласишься на это, откуда прямо Батум и к себе.

На эту поездку я должен взять отпуск или 2 мес. или 45 дней (надеюсь, дадут 2 мес.). Ассигновано же руб. 400; более достать не могу: я должен взять в долг ссуду из нашей ссудной кассы за счет будущих благ. Посоветуй, хватит ли эта сумма, да и вообще как быть, чтобы выкрутиться. Паспорта я еще не взял. Жду отпуска, выхлопочу отпуск и тогда выхлопочу и паспорт. Все это, конечно, связано с затруднениями, но что ж, когда мое здоровье требует этого безотлагательства. Если я не получу этого отпуска, то я пропал зимою. Таково мое здоровье — пошатнувшееся.

Дорогой мой, я аккуратно получаю твои открытки и как только узнал, что Михран получил деньги, я выслал ему на лечение 20 еще. Нужно хоть словом намекнуть о получении, а то всегда не имею сведения о получении.

Ты вообще не беспокойся насчет обещанного закрытого письма; когда нет настроения, когда не пишется, то и не пиши, ведь приеду и тогда поговорим побольше и от души.

Нина³³ тебя приветствует, вспоминает часто тебя — ее учителя; она нашла уроки музыки на полный пансион, поправилась, пополнила, летом поедет на дачу.

Что же еще писать, дочка моя здорова, как все другие дети, и целует тебя, дорогого дядю. Дети мои вспоминают тебя. В воскресенье 1-го мая гостили у меня Нина, ее зять и несколько друзей, выпили за твое и Жоржа здоровье, пели и веселились. Вот тут и Нина просила приветствовать тебя, когда напишу, что и исполняю.

Ну, ты меня прости, что этим и заканчиваю. Так журнал «Совр. жизнь» прекратили. Жаль, хороший был журнал. Не дали выходить дальн. №№-рам. Ты вот насчет получения газет и журналов сообщаем, а о книгах нет. Ведь я опять послал для распределения в библиотеках книги из моих произведений. Как найду свободный и спокойный день, изложу тебе содержание последней моей поэмы. Ты не сердись, что не исполнил или исполнил твою просьбу наполовину. Карточку приложенную передай Жоржику. Какой я не хороший: целый год ничего не мог писать ему. Да, впрочем, Вы же вместе живете и учитесь в университете, значит, он знает о моем житье-бытье. Михрану мой горячий привет. Какой он добрый: спасибо ему за услуги; как принято, угощу его икрой пакусной, которую привезу с собой, и также вином кахетинским и сыром туземным. Пусть готовится к кавказскому кэйфу. Будем веселиться вместе дружно! Ну, дорогой мой, хороший мой Миха, будь здоров, обратись к докторам: лечись, братец, лечись, а то что же это будет с 2-мя больными, когда приеду?

Привет и поцелуй, горячий, сердечный от твоего Ак.

№ 11

[1911 г.]

Дорогой Миха!

...Этого мало: я бы просил тебя втянуть в наше дело и Луначарского: он может писать статьи, критические обзоры и т. п. Например, критический очерк о том «искусство для искусства или для жизни». Конечно, он проводит последнюю точку зрения. Ведь он не метафизик какой-нибудь и не мечтатель, а диалектик и наблюдатель. Если тебе не удастся осуществить это через Луначарского, то возмись за эту тему сам. Известно, что модернистическая литература — это литература упадка, она не возвышает, не ободряет, а, как диаметрально противоположная той литературе, которой мы симпатизируем и [к которой] даже стремимся, развивает пессимизм, упадок духа и т. д. Так вот желательно бы трактовать о ней почаще, чтобы она нашла прочный фундамент в миропонимании и в душе тех народных несознательных и полусознательных масс, которые питаются произведениями этих символистско-декадентских, ноющих и плачущихся больных людей. Ведь эти господа навязывают массе свои личные индивидуалистические переживания и свои субъективные лепетания стремятся превратить в культ. Вот против кого и чего нужно бороться. Эта борьба дала бы очнуться тем колеблющимся, которые уже начали идти по наклонной плоскости. И «Арев» тебе будет очень благодарен, если поможешь ты нам в этом направлении для проведения наших дней.

Ну, братец, по всей вероятности скоро увидимся. Желал бы знать, где ты будешь 20 июня, в городе или в деревне. Вот счастье! Будем путешествовать с тобой и по альпийским горам, и по Парижу, и, пожалуй, повернем к М. Горькому вместе, и как сильно буду я тебя целовать! Ну, об этом после. Если бы от Горького иметь рассказик для нашей газеты! Попробуй. Пиши поскорее. Пока до свидания. Привет Жоржу, Нине.

Я надеюсь, наконец, что ты этим письмом успокоишь меня. Знаю, что был болен, пожалуй и слишком занят. Но ведь я тоже не располагаю многим временем и ведь тоже занят чересчур. Ты согласишься ли, вот уже четыре месяца я не могу подряд спать хотя бы 6 часов. Я мечтаю о ночном здоровом сне и не удается, так как слишком уж завален работой и, однако, не забываю, что есть у меня Миха... Ну конечно, я не претендую на то, что ты упорно умалчиваешь и только открытками успокаиваешь меня; я только хотел обратить твое внимание на то, отчего не сообщаем о получении и не даешь мне возможность продолжать высылку денег и газет.

Одна из моих забот или работ что ли — это издание газеты на армянском языке под названием «Арев» («Солнце»). Газета, конечно, будет сильно выдержанная, как «Звезда». Нам содействует Баку (в лице Степана и др.). Здесь имеются литературные силы и надеемся к 1 мая выпустить № 1-й.

Миха дорогой, я прошу тебя содействовать нашему делу, — во имя чего мы с тобой связаны. Ну конечно, ты можешь содействовать ничем иным, как пером; и я от имени товарищей — коллег по перу прошу твоего сотрудничества. Все присланное тобою будет переведено мной и напечатано. Пожалуй, ты не успеешь дать нам материал для 1-го №, хотя об этом я просил тебя и в предыдущих моих письмах, но и то дело, если успеешь ко 2-му №-му. Газета будет издаваться в неделю раз по воскресеньям. Да и средства у нас скудны. Ты можешь давать нам материал из заграничной жизни — корреспонденции, а если это тебя не удовлетворит, то и статьи по вопросам: общественным и политическим, философии, критики, по вопросам экономическим и т. п. Словом все то, что в рамках легальной литературы допустимо при нашей российской действительности, можешь прислать.

№ 12

15/V 1911

Женева (Швейцария)
Bd. Georges Favoun. 33
Mr. Muhran Khodjamirian.
Geneve (Suisse)

Дорогой Друг!

Получил статью. Наша газета не могла выходить к желанному дню, во-первых, потому, что разрешение опоздало, а, во-вторых, с редактором вышло недоразумение, которое, конечно, в скором времени будет улажено. Ты, пожалуйста, высылай продолжение статьи и, если можешь, заканчивай на этот раз; она будет напечатана если не у нас, то в Баку или

в грузинской, которой пока сейчас нет. Скоро напишу подробное письмо, а пока спешу, будь здоров! Покажись доктору. Нужно лечиться. Так нельзя запускать болезнь. Целую тебя, дружище, крепко-крепко.

А.

№ 13

Дорогой мой!

Пишу тебе вкратце. Скоро увидимся и поговорим сколько душа захочет, а пока сообщаю, что 20-го выезжаю отсюда и полагаю 25-го быть в Вене. Из Вены я хочу поехать в Италию, Рим, Неаполь, Каир.

Прошу по получении сего письма написать письмо М. Горькому, чтобы он принял меня. Я хочу во что бы то ни стало видеть его... Пиши обо мне ему что хочешь и можешь. Одновременно пиши другое письмо мне об этом по след. адресу: Vienne Congregation Mkhitariten Mechitharistengasse № 4, для меня. Можешь писать им, что приедет он и получит, или лучше напишу им я сегодня же, только на письме отмечай для такого-то, чтобы не раскрыли письмо. 25-го я уже буду в Вене и лично возьму письмо. Ты можешь даже и письмо Горькому вложить в это мое письмо. Я с собою возьму прямо к нему. В 1-х числах июля нашего стиля я буду у тебя, оттуда вместе с тобой поедем в Милан к итальянской поэтессе Ада Негри, а оттуда в Париж, после чего в Брюссель, Кельн, Берлин, Варшава, Одесса и в Евпаторию на лечение 20 дней, после которого] домой через Батум. Вот весь мой маршрут, а если у тебя еще лучший есть маршрут, то пиши и я с Вены воспользуюсь; только устрой так, чтобы я попал в Вену... Не забудь ко дню моего приезда к 25-му утра дать мне письмо по указанному адресу Мхитаристов. Прошу. Значит, мне пошлешь по этому адресу письмо к Горькому, если, конечно, он будет на месте. За этот месяц денег вышлю тебе на днях до отъезда. В 1-х числах июля, значит, будь на месте. На днях выслал на имя Тиграна несколько экземпляров книг, храни у себя до встречи. Вышлю еще кое-какие книжки — тоже храни. Какое счастье! Наконец увижу тебя! Ну об этом после, не могу сдерживать воодушевления. Ух, как мы с тобой будем веселиться. Привезу я тебе икры, кавказского сыру, вина, только не киняковского, а еще лучше.

Пока будь здоров. Целую-целую крепко-крепко тебя, мой дорогой.

Твой А.

№ 14

11/28/VII 1911 Мюнхен

Дорогой товарищ!

Твое письмо получил только сейчас в Мюнхене, где жду директора ремесленного училища, чтоб вместе с ним выехать через Инсбург, Цюрих, Люцерн, Интерлакен в Женеву. 2-е суток ждал я твоего письма в Вене,

был у Мхитаристов, письма не оказалось; и так как у меня дни распределены, то я и выехал, не встретившись с Троцким... Беда не великая... Я рассчитываю быть у тебя в субботу. Завтра 29/12/VII, в среду, я выезжаю по намеченному пути, если не дождусь даже г-на директора, и выезжаю один без проводника-путеводителя; в Люцерне — озеро, побуду день, а в субботу уже увидишь меня, если не в субботу, то в воскресенье уж непременно! Жди или ждите, ты, Жоржик, Михран.

Я, брат, все слышу, что болеешь да болеешь, погоди приеду, вылечу тебя, только одно жаль, что вино мое трегер на венском вокзале разбил...

Будучи еще в Тифлисе, 17 июня я тебе перевел через Банк Федерал 20 fr. (на имя Михрана для передачи тебе), но почему-то оставил у себя, чтобы чек передать лично...

...По этому чеку только может получить Михран для передачи тебе.

Книги, которые я отправил из России ему же Михрану в последние дни, пусть хранит у себя до моего приезда.

Таким образом, поездка моя в Милан и к Горькому откладывается: туда я могу отправиться из Женевы с тобой — в Париж и к Богданову; об этом поговорим с тобой в Женеве.

Сейчас спешу в Мюнхенскую картинную галерею, так называемую alte Pinakothek; вчера я видел neue Pinakothek, где мог воочию видеть талантливые произведения Штука, Неоклиса, Каульбаха, Неинемана и др[угих] знаменитостей Мюнхена. Кроме того, в отдельности посетил картинную галерею Heipemann-a, где можно вполне ознакомиться со школой мюнхенских художников с отличительной чертой в нежности и мягкости красок в природе ли, в платьях ли, в детальной разработке тела со всеми складками, мускулами и подробностями.

Так, пока до свидания! Не более, жди, в субботу или воскресенье непременно я выеду из Люцерна в Берн, Лозань, Женеву и как крепко буду целоваться с тобой, смотри, я не буду ждать, что скажут твои больные зубы или невралгия, буду целовать, целовать тебя и то крепко, крепко. Твой Акопян. Держись, брат!

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. С т е п а н — Степан Шаумян.
2. Д а н у ш — Даниел-Дануш Шахвердян.
3. Т и м о ф е й — партийная кличка Сурена Спандаряна.
4. П р е д с т а в и т е л я Борчало — очевидно речь идет об Асатуре Кахояне (Банвор Хечо).
5. Речь идет о выборе делегата от Кавказа на Пятую (Общероссийскую) конференцию РСДРП. На конференции бакинских большевиков в августе 1908 г. по предложению С. Г. Шаумяна делегатом от бакинской организации был избран В. И. Ленин.
6. Р о с т о м — партийная кличка Арчила Долидзе.
7. «Б о р ь б а» («Брдзола») — нелегальный орган тифлисских большевиков, выходила в 1908 г. под руководством «Литературного бюро» на грузинском и русском языках. Первый номер вышел в июне, 2—4 номера датированы июлем-октябрем. Меньшевистский областной комитет был против издания «Борьбы» об этом под-

- робно см. «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», Тбилиси, 1957, стр. 187).
8. Пролетар — литературный псевдоним Ак. Акопяна.
 9. Речь идет о Г. Гараджяне (С. Т. Аркомед).
 10. Речь идет о Нушик Заварян.
 11. Кор — Исидор Санжур.
 12. Алеша — партийная кличка Прокофия Джапаридзе.
 13. Миха второй — Михо Чодрашвили.
 14. Очевидно, речь идет о Ш. Элиава.
 15. Речь идет о С. Шаумяне.
 16. К сожалению, это письмо С. Г. Шаумяна к Ак. Акопяну до сих пор не найдено.
 17. «Волна» — большевистский журнал; выходил в Баку в феврале—марте 1909 г. Всего вышло два номера, после чего по распоряжению бакинского губернатора издание журнала было прекращено.
 18. Очевидно, речь идет о Надежде Николаевне Колесниковой.
 19. Речь идет о П. А. Джапаридзе.
 20. Речь идет о матери Серго Орджоникидзе.
 21. По всей вероятности, письмо адресовано «Жоржу» (Мелитон Фелия).
 22. Риккониен — М. Г. Цхакая.
 23. Речь идет о поездке за границу летом 1911 г. (Женева, Париж, Берлин и другие города).
 24. Речь идет о М. Торошелидзе.
 25. Речь идет о Г. Гараджяне.
 26. Очевидно, речь идет о Г. Гараджяне.
 27. Имеется в виду столыпинская реакция.
 28. Письмо на этом обрывается. Продолжения не сохранилось.
 29. Это письмо С. Г. Шаумяна к Ак. Акопяну до сих пор не найдено. Речь идет о «Современной жизни» — еженедельном общественно-политическом журнале, органе объединенной бакинской организации, блока большевиков и меньшевиков-партийцев, оформившегося в Баку в феврале 1911 г. Журнал издавался в Баку с 26 марта 1911 г., под руководством С. Г. Шаумяна. После выхода трех номеров журнал был закрыт царским правительством. В № 3 «Современной жизни» впервые была напечатана статья В. И. Ленина «Марксизм и «Наша заря» за подписью В. Ильин.
 30. Речь идет о Михране Ходжамиряне.
 31. Ада Негри (1870—1945) — италийская поэтесса. Сборник ее стихотворений в переводе Ак. Акопяна был издан в 1904 г.
 32. Речь идет о М. Горьком.
 33. Речь идет о Нине Аладжаловой (Агаджанян).

ՀԱՆՈՐ ՀԱՅՈՒՅՅՈՒՆԻ ԱՆՏԻՊ ԴԱՄԱՆՆԵՐԻՑ

Խ. Հ. ԲԱՐՍԵՂՅԱՆ

(Ա. մ. ֆ. օ. ֆ. օ. ւ. մ.)

Հայ պրոլետարական պոեզիայի հիմնադիր Հակոբ Հակոբյանը 1908—1914 թթ. նամակագրություն է ունեցել Լ. Վրացիայում գտնվող ականավոր թղթերի Միխա Յիսակայայի հետ։ Բր նամակներում, որոնք մի մասը առաջին անգամ հրատարակվում է «Պատմա-բանասիրական հանդես»-ի ներկա համարում, Հ. Հակոբյանը շոշափել է Անդրկովկասի թղթերիկյան կազմակերպությունների գործունեության հետ կապված բազմապիսի հարուստ, պատմել է իր ստեղծագործական պլանների, արտասահման կատարած շրջապատում և այլ խնդիրների մասին։ Հ. Հակոբյանի վերաբերյալ նամակները հարուստ նյութ են տալիս ստույգ պնդյան ուսկցիտի տարր-

ներին հեղինակի դործունեությունը ճիշտ լուսաբանելու, նրա կյանքի տարեգրությունը կազմելու համար: Երանցում արժեքավոր փաստեր կան պրոֆեսիոնալ ուսուցիչներին Սա. Շառլանի, Ս. Սպանդարյանի, Ա. Շափարիձեի, Յա. Ջեյնի, Ինչպես նաև Գ. Շահմերյանի, Ս. Կախոյանի, Ն. Այաջալովաի (Աղաջանյան) և այլոց մասին: Նամակներում ուղարկվում են և ասույթներ են արտահայտված գրականության, արվեստի, բարոյականության, ազնվության վերաբերյալ: Հ. Հակոբյանը ակնածանքով է խոսում պրոլետարական գրականության հիմնադիր Մարսիմ Գորկու, նրա հանճարի մասին:

Ս. Յիսասայանին գրած նամակները ցույց են տալիս, որ Հ. Հակոբյանը իր նշանավոր ստեղծագործություններից մեկը՝ «Նոր առավոտ» պեմի օրինակներից (բացի Սա. Շառլանից և Ս. Սպանդարյանին նվիրելուց), ուղարկել է նաև կոմունիստական պարտիայի ուրիշ նշանավոր գործիչների, մարքսիստ գրականագետների, այդ թվում՝ Մ. Գորկուն, Մ. Յիսակալանին և այլոց: Նամակներից մեկում Հ. Հակոբյանը հանդամանորեն շարադրել է «Նոր առավոտ»-ի բովանդակությունը, ցույց է տվել սրա ղլխավոր իմաստը, խնդրել Յիսակալանին ծանոթանալ և հարժիր հայտնել նրա մասին: